

Гамара М

КЛЕТКА ДЛЯ ДИКОЙ ПТИЦЫ

Он привык брать. Брать всё: деньги отца,
улыбки женщин, чужие судьбы.

Но она не продаётся. И не сдаётся.

Роман о любви который не помещается
не в клетку не в сердце.

18+

Тамара М

Клетка для дикой птицы

«Автор»

2026

М Т.

Клетка для дикой птицы / Т. М — «Автор», 2026

Он привык брать. Брать всё: деньги отца, улыбки женщин, чужие судьбы. Фераз-бей — наследник империи, сын Стамбула, мальчик, выросший в золотой колыбели, где вместо колыбельных пели банкноты. Он не знает слова «нет». Он не знает слова «жди». Он знает только одно слово — «моё». И когда в его жизни появляется Элиф — девушка в поношенном пальто, с руками, пахнущими чаем и старыми книгами, — он решает, что она тоже будет его. Но Элиф не продаётся. Ни за букеты из тысячи роз. Ни за «Феррари» у выхода из университета. Ни за место в библиотеке, которое он пытается купить, как покупают билет в кино. Она не сдаётся. Не гнётся. Не поёт в неволе. Она — дикая птица, которая разбивает клетку клювом. И клюв у неё острый — слово. Слово, которое режет больше ножа.

© М Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Тамара М

Клетка для дикой птицы

Глава 1

Стамбул в то утро не пах морем. Он пах амбициями — терпкими, как пережаренный кофе, и липкими, как сироп в стаканах с чаем. Университетский коридор, длинный и гулкий, как внутренности старого парохода, был пропитан запахом дешёвого кофе из автомата, дорогих духов и чужого нетерпения. Здесь сталкивались лбами два мира: те, кто приехал учиться на автобусе, и те, кого привозил личный водитель. Элиф принадлежала к первым. Фераз — ко вторым. И между ними лежала пропасть, которую не измерить ни в лирах, ни в километрах. Она бежала. Не шла, не спешила — бежала. Каблуки стареньких туфель стучали по каменному полу так, что эхо металось между колоннами и пугало голубей, сидевших на карнизах. Опоздать на лекцию профессора Кемаль по истории Османской империи было равносильно публичной казни. Кемаль не прощал ни секунды. Он говорил: «Империи рушились из-за опозданий на поле боя. Вы опоздали — вы уже проиграли». И ставил в журнал красную точку, которая жгла студенческие сердца, как клеймо. Элиф прижимала к груди потертую тетрадь — ту, что служила ей три года, с загнутыми уголками и разводами от чая. В голове путались даты: тысяча четыреста пятьдесят три, тысяча пятьсот девятнадцать, тысяча шестьсот восемьдесят три — числа мелькали, как рыбы в мутной воде. В глазах стояла утренняя дымка Босфора, а в горле — комок от недосыпа. Она не спала всю ночь: готовилась к семинару и подрабатывала — расшивала бисером свадебное платье для дочки соседки. Пальцы до сих пор помнили холод бисера. Пальцы до сих пор пахли клеем и чужой мечтой. Она не видела ничего вокруг. Только дверь аудитории в конце коридора — тяжёлую, дубовую, с латунной ручкой, которая казалась ей вратами в спасение. А он стоял. Фераз-бей прислонился к стене так, словно стена была его собственностью. Он всегда стоял так — расслабленно, лениво, с видом человека, которому весь мир обязан уступить дорогу. В дорогом кашемировом пальто цвета мокрого асфальта, с бархатным воротником, поднятым так, чтобы скрыть подбородок и придать лицу загадочность. Он знал, что идёт ему. Он вообще многое знал о себе — и ни разу в жизни не усомнился. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем положено наследнику империи, падали на лоб, и он не убирал их. Привык, что это часть образа. Привык, что женщины смотрят. Привык, что мужчины завидуют. Привык быть в центре — даже когда ничего не делал. Особенно когда ничего не делал. В руке он держал стакан с кофе — не из автомата, конечно. Из кофейни через дорогу, где бариста знал его имя и его заказ наизусть. Латте с двойной пенкой, без сахара, с щепоткой корицы. Он даже не пил его. Просто держал. Как аксессуар. Как реквизит. Как ещё одно доказательство того, что он — не они. Он смотрел в телефон. Точнее, делал вид, что смотрит. В экране отражалась его собственная улыбка — ленивая, уверенная, чуть насмешливая. Улыбка человека, которому не нужно никуда бежать. Никогда. Потому что за него бегут другие. И тут что-то ударило в его грудь. Сильно. Неожиданно. Так, что кофе плеснул на пальто — тёмное пятно расплзлось по кашемиру, как кровь по бинту. Так, что стакан выскользнул и упал на пол, разлетевшись на осколки. Так, что воздух из его лёгких вышел одним резким выдохом. Элиф влетела в него, как стамбульский ветер в открытое окно. Как волна в скалу. Как судьба в того, кто не верит в судьбу. Тетрадь вырвалась из её рук. Листы разлетелись по полу — белые голуби, вспугнутые выстрелом. Конспекты, записи, закладки — всё смешалось с осколками стекла и кофейной лужицей. Она пошатнулась, схватилась за его плечо, чтобы не упасть, — и замерла. Под пальцами — дорогая ткань. Под ладонью — чужое тепло. Перед глазами — его лицо. Близо. Слишком близо. — Ты... — выдохнула она, отшатываясь. — Ты, — повторил

он, и в его голосе не было ни боли, ни злости. Только удивление. Глубокое, как Босфор. — Ты вообще меня видела? Элиф подняла на него глаза. Тёмные, глубокие, цвета остывшего кофе. В них не было ни капли робости. Ни капли извинения. Только раздражение — острое, как лимон, и такое же кислое. — Видела бы — обошла, — отрезала она и присела, собирая листы. Фераз опешил. Впервые в жизни кто-то говорил с ним так. Не извинялся. Не заискивал. Даже не смотрел с восхищением. Эта девушка в поношенном пальто — серо-бежевом, с одной пуговицей, которая держалась на честном слове, — смотрела на него как на помеху. Как на столб. Как на что-то, что нужно обойти. Он медленно выпрямился. Пятно на пальто расплзлось, но он не смотрел на него. Он смотрел на неё. — Я стою, где хочу, — сказал он, и голос его был ровным, как натянутая струна. — Это ты неслась, как сумасшедшая. — Я спешу на лекцию, — бросила она, не поднимая головы. Пальцы её дрожали — от злости или от недосыпа, она сама не знала. — В отличие от некоторых, у которых, видимо, весь день свободен. Или весь день занят собой. Она подняла последнюю тетрадь — ту самую, потертую, трёхлетнюю — и провела ладонью по странице. Кофе залил угол. Развод. Как клеймо. Фераз присел на корточки. Медленно, не отрывая от неё глаз. Теперь их лица были на одном уровне. Он видел её ресницы — длинные, тёмные, без туши. Видел прядь волос, выбившуюся из-под платка, — непослушную, как она сама. Видел, как она прикусывает губу, чтобы не сказать что-то ещё. — Ты знаешь, кто я? — спросил он тихо. Она наконец подняла голову. Посмотрела прямо. В упор. Без страха. Без вызова. Просто — как на равного. Или как на низшего. — Ты — Фераз-бей, — произнесла она, и его имя прозвучало в её устах как диагноз. — Сын магната. Наследник империи. Привык, что все падают ниц при виде твоего кошелька. Я что-то пропустила? Он усмехнулся. Краем губ. Но глаза не смеялись. — Ты пропустила извинение. — За что? — она встала, прижимая тетрадь к груди, как щит. — За то, что ты стоял на дороге? Или за то, что мир не крутится вокруг тебя? — За то, что ты испортила пальто, — он тоже встал. Теперь он возвышался над ней — на полголовы, не больше. Но этого хватало, чтобы чувствовать превосходство. Он привык к этому чувству. Оно было удобным. Как старое кресло. — Пальто, — повторила она, и в её голосе зазвенела сталь. — Ты правда сейчас говоришь о пальто? Ты в курсе, что это стоит как моя годовая стипендия? Как три месяца жизни моей матери? Ты вообще знаешь, сколько людей в этом городе живут на эти деньги — целый год? Нет. Ты не знаешь. Ты знаешь только, сколько стоит твоя кофейня. Твой бариста. Твоя жизнь. Он замер. Слова ударили — не в лицо, а глубже. Куда-то под рёбра. Туда, где он никогда не копался. Туда, где было пусто. Или, может, слишком шумно — от чужих голосов, чужих ожиданий, чужих «ты должен». — Ты даже не извинилась, — сказал он тихо, и это прозвучало почти жалко. Он сам это услышал. И возненавидел себя за это. Элиф посмотрела на него. Долго. Так, что ему стало не по себе. Так, что ему захотелось отвести взгляд — впервые в жизни. — Хорошо, — сказала она наконец. — Извини. Он моргнул. — Что? — Извини, — повторила она, и в её голосе не было ни капли смирения. Только холод. Только расчёт. Только что-то ещё — то, что он не мог назвать. — Я извинилась. Теперь ты доволен? Теперь можешь вернуться к своей кофейне, к своему бариста, к своей жизни. К своей клетке, которую ты называешь свободой. Она развернулась. Прямая спина. Тетрадь у груди. Шаг — твёрдый, уверенный. Она не бежала больше. Она шла. Как королева. Как изгнанница. Как женщина, которая знает, что её слова весят больше, чем его деньги. — Эй, — окликнул он. Она не обернулась. — Как тебя зовут? Пауза. Шаг. Ещё шаг. — Элиф, — бросила она через плечо. — Но тебе это не понадобится. — Почему? Она остановилась. Обернулась. В её глазах цвета крепкого чая не было ни капли робости. Ни капли любви. Только усталость. Только правда. — Потому что такие, как ты, никогда не запоминают имён, — сказала она. — Только ценники. И ушла. Только каблуки простучали по камню — раз, другой, третий — и стихли за поворотом. Только осколки стакана блестели на полу. Только пятно на пальто расплзлось, как чужое слово, которое не смыть. Фераз стоял. Не двигался. Не дышал. Внутри что-то трещало — медленно, мучительно, как лёд на Босфоре в феврале. Его броня —

его эго, его уверенность, его «я всегда прав» — дала первую трещину. И в эту трещину просочился сквозняк. Холодный. Чужой. Живой. Он наклонился. Поднял с пола один листок — тот самый, что выпал из её тетради. Конспект. Аккуратный почерк. Даты. Стрелки. На полях — маленький рисунок: птица. Простая, нарисованная карандашом. С раскрытыми крыльями. Летящая. Свободная. Он смотрел на этот рисунок долго. Дольше, чем смотрел на что-либо в последние годы. На свои часы. На свой телефон. На своё отражение. Потом сложил листок. Аккуратно. Вдвое. Вчетверо. И убрал в карман — туда, где лежал бумажник. Туда, где лежало всё, что он мог купить. — Элиф, — прошептал он, и её имя прозвучало в его устах странно. Как незнакомое слово. Как пароль. Как ключ. — Элиф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.